

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-1-96-101
УДК 81'23

Дата поступления статьи: 2/ХІІ/2018
Дата принятия статьи: 15/ХІІ/2018

С.А. Карпухин

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА С ДРУГИМИ КАТЕГОРИЯМИ ГЛАГОЛА

© Карпухин Сергей Александрович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: karpukhin163@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5024-2225>

АННОТАЦИЯ

В статье на основе двухкомпонентной модели семантического инварианта глагольного вида предлагается трактовка двух грамматических явлений: 1) видовой дистрибуции способов выражения страдательности и 2) варьирования выражения прямого объекта при некоторых переходных глаголах. Очередное обращение к указанной в заголовке проблеме, давно и широко обсуждаемой в отечественной и зарубежной русской аспектологии, обосновывается в настоящей работе новизной ракурса осмысления места категории вида в грамматической системе глагола. Наблюдения над употреблением видов в названных конструкциях убеждают, что смысловые взаимоотношения глагольного вида с разными морфологическими и синтаксическими категориями глагола в принципе невозможно вскрыть достаточно полно без учета роли ситуативного компонента семантической структуры вида. Так, в сочетании с другими грамматическими факторами глаголы совершенного вида смешают смысловой акцент с действия на ситуацию или наоборот, определяют характер прямого объекта и т. д. Именно эти акценты жестко распределяют виды в речи по способам выражения страдательности – возвратным формам глаголов несовершенного вида или страдательным причастиям совершенного вида, ср.: *Доклад читается студентом (не читаемый!) – Доклад прочитан студентом (не прочитался!)*. В первом случае глагол фокусирует внимание на процессе чтения, во втором – на постситуации ('осмысление услышанного'). В свою очередь несовершенный вид, представляющий действие отстраненно от ситуации, акцентирует, в зависимости от грамматических условий и собственной лексической семантики глагола, свои специфические смыслы – экзистенциональность действия, его квалификацию и др. Отмечается далее, что в грамматическом и семантическом контексте видовое противопоставление реализует в различных пропорциях еще одно свое фундаментальное свойство – динамичность / статичность изображаемого фрагмента действительности, – выражаемое соответственно совершенным и несовершенным видами.

Дальнейшие семантические исследования глагольного вида в синтагматическом плане с учетом отношения действия, выраженного каждым из видов, к ситуативному фону откроют новые перспективы и глубины проникновения категории вида в структуру русской речи.

Ключевые слова: глагол, совершенный вид, несовершенный вид, семантический инвариант вида, ситуация действия, страдательное значение, вариативность прямого объекта, квалификация действия.

Цитирование. Карпухин С.А. К вопросу о взаимодействии глагольного вида с другими категориями глагола // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 1. С. 96–101. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-1-96-101>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

S.A. Karpukhin

ON THE QUESTION OF THE INTERACTION OF VERBAL ASPECT WITH OTHER CATEGORIES OF THE VERB

Karpukhin Sergej Aleksandrovich – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: karpukhin163@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-5024-2225>

ABSTRACT

The article, based on the two-component model of the semantic invariant of verbal aspect, covers the interpretation of two grammatical phenomena: 1) type distribution of the passive expression methods and 2) variability of expression of the direct object that accompanies some transitive verbs. Further reference to the stated problem, that was long-term and widely discussed in terms of native and foreign aspectology of the Russian language, is justified in the particular research by the novelty of the angle approach to the position of the aspect in grammatical verb system. Observations of the aspect usage in the mentioned constructions convince that meaning relationship between the aspect and varied morphological and syntactical verb categories cannot be comprehensively revealed without taking into consideration the significance of the situational component of the aspect semantic structure. Thus, perfective verbs combined with another grammatical factors replace the meaning focus from action to situation or vice versa, define the character of the direct object etc. These particular accents clearly allocate the speech aspect through reflecting the passive – reciprocal forms of imperfective verbs or passive perfective participle, e.g.: *The report is being presented by the student (not is presented!)* – *The report has been presented (not was presented!)*. The first example focuses on the process of reading, the second example presents the result, that can be observed after the situation (the perception of what was heard). Conversely, the imperfective aspect, representing the action separately from the situation, emphasizes its specific meanings – existential nature of the action, its qualification etc. – according to its grammatical conditions and its own lexical semantics. It is also stated that aspect juxtaposition in grammatical and semantic contexts implements in varied proportion another fundamental property – dynamic and static of the reality fragment depicted – that is accomplished by perfective and imperfective aspects respectively.

The following semantic research of verbal aspect from the syntagmatic point of view takes into consideration the relation of the action, that was expressed through each aspect, and the situational background that would let observe new perspectives and depths of the Russian language structure.

Key words: verb, perfective, imperfective, semantic invariant of the type, the situation of the action, passive meaning, variability of the direct object, quality of action.

Citation. Karpukhin S.A. *K voprosu o vzaimodeistvii glagol'nogo vida s drugimi kategoriyami glagola* [On the question of the interaction of verbal aspect with other categories of the verb]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 1, pp. 96–101. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-1-96-101> [in Russian].

Введение

Одно из направлений, уже не одно десятилетие активно разрабатываемое в русской аспектологии, составляют многочисленные исследования взаимоотношений глагольного вида с другими категориями глагола, а также с разными компонентами синтаксических конструкций. Проиллюстрируем эту многовалентность вида несколькими примерами работ отечественных языковедов:

- «Вид и время русского глагола» [Бондарко 1971];
- «Вид, залог, переходность» [Степанов 1976];
- «Императив и вид» [Шатуновский 2004, с. 253–280];
- «Глагольный вид в аспекте актуального членения» [Гуревич 2001, с. 63–70].

Данный перечень можно продолжать очень долго, даже если включить в него только работы, которые уже в заглавии заявляют свою принадлежность к означенному направлению – аналогично вышеупомянутому, – а не касаются его попутно (количество последних, пожалуй, учету вообще не поддается). Не проходят мимо этой масштабной проблемы и зарубежные специалисты по аспектологии, см., например, [Тимберлейк 1985; Ядров 2001] и др.

Характерно, что исследуется взаимообусловленность, не только эксплицированная формально, как, например, категорий вида и времени, но и чисто семантическая и функциональная, то есть более глубокая. Так, на первый взгляд незаметно содержательное различие между слабоуправляемыми вариантами обстоятельства в предложении *Брошен*

лом на песке (на песок) у ворот. Тем не менее они имеются и обусловлены семантикой совершенного вида причастия *брошен*: форма первого варианта означает ситуацию, возникшую в результате действия *бросить* ('лом лежит на песке'); второй вариант добавляет к этому значению оттенок направленности совершенного действия ('лом бросили на песок').

В целом неослабевающий интерес исследователей к указанной проблеме свидетельствует, по нашему мнению, как минимум о семантической емкости русского вида и его гносеологической неисчерпаемости, а по большому счету — о его ведущей роли в структуре русской речи, — не случайно кто-то из классиков русского языкознания назвал гольный вид душой русского предложения.

Постановка проблемы

Существующие исследования означенной проблемы накопили большой корпус фактов, наблюдений и объяснений, демонстрирующий в целом разнообразное и глубокое проникновения глагольного вида в грамматику русской речи. Вместе с тем, на наш взгляд, работы этого типа, как правило, испытывают дефицит «общего знаменателя» — отсутствие опоры на сущность категории вида, то есть то главное, что четко делит глагол на два противопоставленных разряда — глаголы совершенного и несовершенного вида. Это не случайно: наиболее известные в современной русской аспектологии концепции на этот счет фактически не охватывают видовые разряды полностью, следовательно, не могут служить надежной опорой для исследований в названной области. Тогда как без такой опоры неизбежен перекосяк в сторону эмпиризма.

В настоящей работе излагается опыт исследования роли глагольного вида в грамматической системе глагола и в структуре русской речи **на основе авторского понимания семантического инварианта категории вида** [Карпунин 2002; 2005; 2006; 2011]. Конкретно говоря, в статье интерпретируется связь глагольных видов со страдательными формами и управляемым существительным, исходя из отношения действия, обозначенного глаголом, к ситуации, сопряженной с ним.

Ход исследования

Обратимся к видовой асимметрии при выражении страдательности. У глаголов несовершенного вида (далее также — НВ) страдательность выражается в языке и в речи (в позиции сказуемого) обычно возвратными формами глаголов: *Вековые сосны ломаются ураганом; График составляется диспетчером; Доклад читается автором* и т. д. У многих из таких глаголов хотя и образуются страдательные причастия (*ломаемый — ломанный, составляемый, читаемый — читанный* (Сазонова 1989, с. 205, 450, 514)), но в пассивной конструкции в позиции предиката они практически не использу-

ются (ни в полной, ни в краткой форме, типа *Текст читан компьютером*). У глаголов совершенного вида (далее также — СВ), напротив, типичный способ — краткие страдательные причастия прошедшего времени: *Доклад прочитан автором; Сосны сломаны ураганом, График составлен диспетчером*, хотя у них, в свою очередь, не запрещены системой возвратные формы: *прочитаться, сломаться, составиться* (Словарь 1961, с. 1540; 1962, с. 1262; 1963, с. 378).

Приведенные речения прекрасно иллюстрируют заявленную двухкомпонентную концепцию семантического инварианта вида. Ее суть заключается в том, что семантический инвариант выводится из отношения действия к ситуации, то есть из комбинации двух компонентов (!), а не только из характера самого действия, как это сложилось в русистике уже в традицию. Совершенный вид, фиксируя действие в объективном времени, соотносит действие с ситуацией, сопряженной с ним. Несовершенный вид называет действие, не фиксированное во времени, сосредоточивая внимание на действии как таковом. Так, страдательные причастия совершенного вида, особенно в краткой форме, наиболее отчетливо (по сравнению с другими формами перфектива) фокусируют внимание на постситуации, возникшей вследствие действия, например на прочитанном тексте, который, следовательно, можно оценить с точки зрения содержания, использования информации и т. п. Другое дело — возвратные глаголы несовершенного вида. Их специфический инвариант — акцент на квалификации действия, независимого от ситуации. Например, можно наблюдать со стороны и оценивать процесс чтения, судить о развитии мысли, о манере исполнения и т. п.

Однако здесь мы констатировали зависимость видовой семантики от способов выражения значения страдательности. Какова же обратная зависимость между этими категориями? Прямое отношение к данной постановке вопроса находим в интересной статье В.И. Гавриловой [Гаврилова 2004, с. 43–76]. В ней рассматривается возможность возвратных форм глаголов СВ, но не в пассивных конструкциях с творительным субъекта. Например: *Трава высушилась на солнце* (ср. *Трава сушится солнцем*); *Чай заварился* (ср. *Чай заваривается отцом*); *Белье постиралось в машине* (ср. *Белье стиралось Машей в машине*)¹. По определению автора, у них собственно страдательное значение, реализуемое несовершенным видом, трансформируется в объектное значение. Автор называет такое значение квазипассивным и включает его в страдательный залог. По его мнению, возможность квазипассивного значения СВ объясняется характером действия: она возникает при обозначении глаголами «инициируемых стихийных природных или техногенных процессов» и отсутствует при назывании «волеобусловленных антропогенных процессов» типа: *Коровник строится студентами*, но нет: *Коровник построился на окраине*; *Смета составляется бухгалтером*, но нет: *Смета составила в срок*.

В общем, данное объяснение не вызывает возражений, но при этом только выиграет, по нашему мнению, от существенного дополнения видовой семантикой. Предлагаемое В.И. Гавриловой противопоставление двух разновидностей переходных глаголов (в терминологии автора – «иницирующие» и «преобразующие» глаголы) связано с различиями в распределении акцентов между компонентами изображаемой ситуации. В ситуации, в центре которой оказывается «иницирующий» глагол, редуцируется внимание и к самому действию, и к агенту: агент сходит со сцены потому, что он не производит, а только инициирует действие; а действие затем происходит само собой, не требуя внимания («включила стиральную машину и ушла»). Далее логика фокусирует мысль на окончании инициированного действия и его переходе в постситуацию-объект. Данный переход и есть, в нашем понимании, прерогатива глаголов СВ: белье **постиралось** → «стало чистое»; трава **высушилась** → «стало сено» и т. д. Другое дело – в ситуации, организованной «преобразующим» действием. Ни самое действие, ни его исполнитель не теряют своего веса, не уступают своего места объекту в силу их общих атрибутов: активности, волеизъявлению, энергичности, целеустремленности, созидательности, контролируемости, интеллектуальности и т. д. Отсюда и вытекает невозможность пассивизации «преобразующего» действия в форме возвратного глагола СВ, то есть смещения акцента с действия на постситуацию-объект. Но со временем, кстати, отражая, в частности, изменения в общественной жизни, «преобразующие» действия могут превращаться в «иницирующие» и называться, соответственно, возвратными глаголами СВ. В.И. Гаврилова приводит примеры подобного рода, когда, казалось бы, сугубо человеческий труд выполняет компьютер: *Текст отредактировался; Смета составила*.

Теперь о динамизме «квазипассивных» глаголов. Двухкомпонентная концепция вида однозначно и прямо связывает противопоставление совершенного и несовершенного видов с оппозицией динамичности/статичности изображения действительности.

«Иницирующие» действия, так же как и любые другие действия, осуществляющиеся вообще без участия человека, способны представляться русскоязычными говорящими в качестве произвольной силы, изменяющей ситуацию, т. е. в форме совершенного вида, отличающегося от противоположного вида динамизмом в принципе. Тогда как действия «преобразующие» достаточно самостоятельны из-за своей яркой квалификации – активности, созидательности и пр., – чтобы превратиться в пассивную силу изменения ситуации. Это особенно хорошо видно на сравнении глаголов произвольного разрушения, деформации и т. п. с глаголами созидательной деятельности, типичными для «преобразующего» класса. У глаголов негативного, чаще всего произвольного действия

в предикативной функции вполне употребительны возвратные формы СВ с «квазипассивным» значением: *сломаться, разрушиться, нарушиться, устраниваться, измениться, деформироваться, исказиться, разладиться, развестись, сдвинуться, заразиться* и т. д. Эти формы сохраняют динамичность изображаемого события – переход от действия к постситуации, особенно если она содержит негативный результат (*Стул сломался; Расписание нарушилось*). У глаголов «преобразующих», например: *отремонтировать, построить, возвести, спроектировать, запланировать, предусмотреть, сконструировать, зашифровать, начертить, просчитать* и т. д., указанные формы в аналогичных конструкциях (в позиции сказуемого) неупотребительны. Эту нишу, как уже говорилось, заняли возвратные формы несовершенного вида, задача которых – представить действие в его протекании (в статике), значит – в его качестве, характерном именно для человеческой деятельности: *Крыша ремонтировалась бригадой Иванова; Этим институтом проектировались крупнейшие ГЭС*.

Если же возникает потребность сосредоточить внимание на постситуации (т. е. на «страдающем» объекте), возникшей в результате «преобразующего» действия, то она легко удовлетворяется краткими страдательными причастиями. Эти специфические глагольные формы, решительно отвлекающие внимание от действия, породившего постситуацию, и тем самым от момента перехода в нее действия, сильно редуцируют динамизм (присущий предикативным формам СВ): *Трава скошена; Дом построен; Доска обстругана; Магазин закрыт на ремонт*.

Итак, версия В.И. Гавриловой, безусловно убедительная и плодотворная, не исчерпывает всей проблемы видовой асимметрии при выражении страдательности. В частности, она не рассматривает вопрос о возможности конкуренции при выражении страдательности между глагольными предикативными формами НВ и причастиями СВ. Этот вполне закономерный вопрос решается в настоящей работе с помощью видовой семантики: указанные средства выражения страдательности находятся в отношении дистрибуции, следовательно, исключают конкуренцию.

Далее. Весьма важной представляется роль предлагаемой теории видового инварианта в выявлении механизма синтаксических связей глагола с его распространителями. Синтаксическому ракурсу глагольного вида в русистике посвящены многочисленные исследования, построенные как на материале отдельных языков, в том числе русского, так и в типологическом плане. Здесь обратим внимание только на одну из них типологического характера – американского исследователя М. Ядрова «Морфологическая категория вида и нулевые объекты глагола» [Ядров 2001, с. 220–236]. В ней содержится попытка описания универсальной модели (для разных языков) сочетаемости глагольных видов с прямым объектом. Попытка эта интересна в

том отношении, что основана она не на «деталях» — частных видовых значениях и лексической семантике глагола, — к которым сводится обычно интерпретация употребления видов в русском языке, а на сущности видового противопоставления. Модель призвана объяснить: 1) почему НВ допускает падежное варьирование объекта: *заслуживал награду/награды*, а СВ — нет: *заслужил награду*; 2) почему «нулевой объект» возможен только при НВ: *Вчера я писал*; тогда как при СВ — нет: *Вчера я написал...(?)* (примеры — М. Ядрова). Заметим, что эта работа, выполненная в духе трансформационной грамматики, изложенная структуралистским мета-языком и оснащенная сугубо формалистичным аппаратом (формулы, схемы), в целом вызывает впечатление не столько позитивного осмысления проблемы, сколько демонстрации на примере этой проблемы полезности и универсальности так называемой теории принципов и параметров Н. Хомского [Chomsky, Lasnik 1993]. Суть же модели М. Ядрова, насколько ее возможно сформулировать более простым языком, состоит в следующем. Различие между НВ и СВ заключается в точке зрения субъекта речи на изображаемую ситуацию, которая в несовершенном виде представляется говорящим «изнутри действия», а в совершенном виде — «извне»². Именно этим различием и объясняется, почему НВ допускает распространение глагола как определенным, так и неопределенным объектом (т. е. и винительным, и родительным падежом), а СВ — только определенным объектом (вин. падежом); а также — почему НВ может «включать в себя» нулевой, т. е. невыраженный, объект, а СВ — нет.

Полагаем, что более простое и понятное объяснение вариативности сочетаний глагола с прямым объектом в русском языке основывается на двухкомпонентной концепции вида. Так, возможность при модальном глаголе СВ *заслужил* только винительного падежа прямого объекта обусловлена фиксированностью перехода оцениваемого действия (деятельности, поведения и т. п.) к постситуации — отсюда и определенность объекта, составляющего содержание постситуации, которая уже, так сказать, налицо, в наличии, уже реальность. НВ *заслуживал* выражает оценку существующего (существовавшего) действия, то есть действия в его протекании, предполагающего, следовательно, лишь потенциальную постситуацию, которая, пока она не возникла реально, может быть представлена как конкретным (вин. п.), так и неопределенным (род. п.) объектом. Но с глаголами другой лексической семантики эти падежные формы, также с другим лексическим наполнением, могут иначе соотноситься с видами, что, кстати, выпадает из схемы М. Ядрова. Например с глаголами *пил/выпил*: *Утром я пил чай* — только винительный падеж, но: *Утром я выпил чай/чаю* — возможны оба падежа. Здесь при НВ винительный падеж означает не-определенный в количественном отношении объект, характеризующий действие в его существовании, значит, в его качестве, действие, не перехо-

дящее в ситуацию. При СВ обе формы — винительного и родительного падежей — называют определенный объект — с полным или частичным его охватом, — то, что и составляет постситуацию фиксированного действия. Так можно и объяснить без сложных алгебраических формул и геометрических фигур «нулевой объект», характерный в русском языке для некоторых переходных глаголов НВ, означающих род деятельности или занятия, умения и т. д., типа *Вчера я писал (читал, рисовал, полел и т. п.)*: НВ выражает квалифицированное действие в его существовании (протекании), и, поскольку оно не сопряжено с ситуативным фоном, объект имманентно включается в его квалификацию.

Вывод

Таким образом, интерпретация рассмотренных грамматических явлений на основе двухкомпонентного понимания семантической структуры глагольного вида дает основание предполагать эффективность данной концепции для полного и адекватного объяснения более широкого круга взаимосвязей вида с морфологическими и синтаксическими категориями.

Примечания

¹ Естественно, к такой трансформации не имеют отношения возвратные глаголы СВ, не соотносительные с возвратными формами НВ, выражающими страдательное значение, типа: *Ваза разбилась* (нет: *Ваза разбивается ребенком*), *Иван обулся* (нет *Сапоги обуваются Иваном*) и т. п. (Прим. С.К.).

² Данное понимание сущности видового противопоставления, ныне широко распространенное в аспектологии, идет, по-видимому, от известного американского лингвиста Б. Комри [Комри 1976]. Позднее эту идею разделяли [Гловинская 1982; Тимберлейк 1985].

Источники фактического материала

Сазонова 1989 — Сазонова И.К. Русский глагол и его причастные формы: Толково-грамматический словарь. М.: Русский язык, 1989. 588 с.

Словарь 1961 — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М., Л.: Изд-во АН СССР. 1961. Т.11. С.1540; 1962. Т.13. С.1262; 1963. Т. 14. С. 378.

Библиографический список

Бондарко 1971 — Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. 239 с.

Гаврилова 2004 — Гаврилова В.И. Возвратные глаголы с квазипассивным значением и их место в залоговой системе русского глагола // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2004. Т. 4. С. 43–76.

Гловинская 1982 – Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982. 155 с.

Гуревич 2001 – Гуревич В.В. Глагольный вид в аспекте актуального членения // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 2001. Т. 1. С. 63–70.

Карпухин 2002 – Карпухин С.А. К проблеме семантического инварианта глагольного вида в русском языке // Русский язык в школе. 2002. № 1. С. 65–69.

Карпухин 2006 – Карпухин С.А. Семантика несовершенного вида // Русский язык в школе. 2006. № 2. С. 63–69. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16974630>.

Карпухин 2011 – Карпухин С.А. Семантика русского глагольного вида. 2011. 287 с. URL: <http://dosamara.ru/docs/ofernio/diss-karpukhin.htm/2011>.

Карпухин 2005 – Карпухин С.А. Семантика совершенного вида // Русский язык в школе. 2005. № 3. С. 81–86. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15128683>.

Комри 1976 – Comrie B. Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.

Степанов 1976 – Степанов Ю.С. Вид, залог, переходность // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35. № 5.

Тимберлейк 1985 – Timberleik A. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XV.

Chomsky, Lasnik 1993. – Chomsky N., Lasnik H. The Theory of Principles and Parametres // Syntax: an international handbook of contemporary research / J. Jacobs et al. eds. Berlin, 1993.

Шатуновский 2004 – Шатуновский И.Б. Императив и вид // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2004. Т. 4. С. 253–280.

Ядров 2001 – Ядров М. Морфологическая категория вида и нулевые объекты глагола // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 2001. Т. 1. С. 220–236.

References

Bondarko 1971 – Bondarko F.V. *Vid i vremya russkogo glagola* [Aspect and tense of the Russian verb]. М.: Prosveshchenie, 1971, 239 p. [in Russian].

Gavrilova 2004 – Gavrilova V.I. *Vozvratnye glagoly s kvazipassivnym znacheniem i ikh mesto v zalogovoi sisteme russkogo glagola* [Reflexive verbs with quasi-passive meaning and their position in the voice system of the Russian verb]. *Trudy aspektologicheskogo seminar filologicheskogo fakulteta MGU im. M.V. Lomonosova* [Works of a seminar on aspectology of the Lomonosov Moscow State University philological faculty]. М.: МАКС Пресс, 2004, Vol. 4, pp. 43–76 [in Russian].

Glovinskaya 1982 – Glvinskaya M.Ja. *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola* [Semantic

types of aspectual opposition of the Russian verb]. М.: Nauka, 1982, 155 p. [in Russian].

Gurevich 2001 – Gurevich V.V. *Glagol'nyi vid v aspekte aktual'nogo chleneniya* [Verbal aspect in view of the actual division]. *Trudy aspektologicheskogo seminar filologicheskogo fakulteta MGU im. M.V. Lomonosova* [Works of a seminar on aspectology of the Lomonosov Moscow State University philological faculty]. М.: Izd-vo MGU, 2001, Vol. 1, pp. 63–70 [in Russian].

Karpukhin 2002 – Karpukhin S.A. *K probleme semanticheskogo invarianta glagol'nogo vida v russkom yazyke* [On the problem of semantic invariant of a verbal aspect in the Russian language]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2002, no. 1, pp. 65–69 [in Russian].

Karpukhin 2006 – Karpukhin S.A. *Semantika nesovershennogo vida* [Semantics of the imperfective aspect]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2006, no. 2, pp. 63–69. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16974630> [in Russian].

Karpukhin 2011 – Karpukhin S.A. *Semantika russkogo glagol'nogo vida* [Semantics of the verbal aspect in the Russian language], 2011, 287 p. Available at: <http://dosamara.ru/docs/ofernio/diss-karpukhin.htm> [in Russian].

Karpukhin 2005 – Karpukhin S.A. *Semantika sovershennogo vida* [Semantics of the perfective aspect]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2005, no. 3, pp. 81–86. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15128683> [in Russian].

Comrie 1976 – Comrie B. Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976 [in English].

Stepanov 1976 – Stepanov J.S. *Vid, zalog, perekhodnost'* [Aspect, voice, transitivity]. *Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz.* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Series Literature and Language], 1976, Vol. 35, no. 5 [in Russian].

Timberleik 1985 – Timberleik A. *Invariantnost' i sintaksicheskie svoistva vida v russkom yazyke* [Invariance and syntactic properties of the aspect in the Russian language]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New developments in foreign linguistics]. М., 1985, Issue XV [in Russian].

Chomsky, Lasnik 1993 – Chomsky N., Lasnik H. The Theory of Principles and Parametres. In: *Syntax: an international handbook of contemporary research*. J. Jacobs et al. eds. Berlin, 1993 [in English].

Shatunovskii 2004 – Shatunovskii I.B. *Imperativ i vid* [The imperative and the aspect]. *Trudy aspektologicheskogo seminar filologicheskogo fakulteta MGU im. M.V. Lomonosova* [Works of a seminar on aspectology of the Lomonosov Moscow State University philological faculty]. М.: МАКС Пресс, 2004, Vol. 4, pp. 253–280 [in Russian].

Jadrov 2001 – Jadrov M. *Morfologicheskaya kategoriya vida i nulevye obekty glagola* [Morphological category of aspect and zero objects of the verb]. *Trudy aspektologicheskogo seminar filologicheskogo fakulteta MGU im. M.V. Lomonosova* [Works of a seminar on aspectology of the Lomonosov Moscow State University philological faculty]. М.: Izd-vo MGU, 2001, Vol. 1, pp. 220–236 [in Russian].